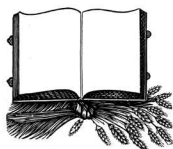




САНКТ-ПЕТЕРБУРГ  
2021

*Библиотека  
фантастики и приключений*



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ  
2021



Кларк Эштон СМИТ



# БОГ АСТЕРОИДА

СЕВЕРО-ЗАПАД  
2021



УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7Сое)-44

С46

Составитель серии *А. Лидин*

Ответственный за выпуск *Я. Забелина*

Издательство «СЕВЕРО-ЗАПАД»

выражает глубокую благодарность за предоставление  
переводов для публикации в этой книге  
АЛЕКСЕЮ ЮРЬЕВИЧУ ЧЕРЕПАНОВУ,

Кларк Эштон Смит — поэт, писатель, художник. Друг Лавкрафта и Говарда. Его мрачное и изысканное воображение создавало странные миры, одновременно исполненные ужаса и притягательности.

Истории рассказывают и о гостях из потустороннего мира, и конце света на иной планете, и о космических путешествиях в дальние уголки космоса...

С46

СМИТ Кларк Эштон

«Бог астероида». — СПб.: «Издательство «Северо-Запад», 2021. — 382 с. — Библиотека приключений и фантастики

**ISBN 978-5-93835-128-8**

**ISBN 978-5-93835-128-8**

© ООО «Издательство «Северо-Запад», 2021

© Перевод А.Черепанов, 2021



## УБИЙСТВО В ЧЕТВЁРТОМ ИЗМЕРЕНИИ

СТРАНИЦЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ книжки, о которых пойдёт речь далее, были обнаружены у подножия старого дуба, возле шоссе Линкольна, между городками Боуман и Оберн. Эти листки были бы немедленно выброшены, как записки сумасшедшего, если бы за восемь дней до этого не случилось странного исчезновения Джеймса Бакингэма и Эдгара Хэлпина. Эксперты заявили, что почерк на страницах, без сомнений, принадлежал Бакингэму. Также недалеко от записной книжки были найдены носовой платок с его инициалами и серебряный доллар.

Наверное, не все поверят в то, что моя десятилетняя ненависть к Эдгару Хэлпину была той движущей силой, что привела к усовершенствованию самого уникального из моих изобретений. Лишь те, кто испытал злобное лихорадочное чувство ненависти и отвращения к другому человеку, поймут терпение, с которым я стремился разработать свой личный план мести, который был бы одновременно и безопасным, и адекватным. Зло, которое причинил мне Хэлпин, он должен рано или поздно искупить, и меня не удовлетворит ничто меньшее, чем его смерть. Тем не менее, я не хотел оказаться на виселице даже за преступление, которое с моей точки зрения было бы всего лишь простым актом правосудия. Как адвокат, я знал насколько трудно, практически невозможно совершить убийство, не оставив никаких улик. Поэтому я долго и бесплодно ломал голову над тем, как должен умереть Хэлпин, прежде чем ко мне пришло вдохновение.

У меня было достаточно причин ненавидеть Эдгара Хэлпина. В школьные годы мы были закадычными друзьями, а затем — партнёрами в первые годы нашей профессиональной юридической практики. Но когда Хэлпин взял в жёны девушку, которую я искренне любил, я разорвал с ним все дружеские отношения, их заменил ледяной барьер неумолимой вражды. Даже смерть Элис спустя пять лет после их свадьбы не имела никакого значения, ибо я не мог простить ему счастья, которого был лишён — счастья, которое они разделяли в те годы, украв его у меня. Я чувствовал, что она бы заботилась обо мне, если бы не Хэлпин — ведь мы были уже почти помолвлены, когда он стал моим соперником.

Однако не следует думать, что я был до такой степени неблагоразумным и мог в любой момент предать свои чувства. Хэлпин каждый день помогал мне в юридической конторе в Оберне, где мы оба работали, и я оставался самым желанным и частым гостем в его доме. Я сомневаюсь, что он когда-либо подозревал, как сильно я беспокоился об Элис: у меня скрытный характер, я не выражаю своих эмоций и кроме того, очень самолюбив. Никто, кроме самой Элис, никогда не догадывался о моих страданиях, и даже она ничего

не знала о моей обиде. Сам Хэлпин доверял мне, и, возвращая идею будущей мести, я позаботился, чтобы он продолжал доверять мне. Я вёл себя так, чтобы он всегда нуждался во мне, помогая ему даже тогда, когда моё сердце представляло собой котёл кипящего яда. Я выражал ему слова братской любви и хлопал его по спине, в то время, когда предпочёл бы вонзить в неё кинжал. Я познал все мучения и всю тошноту лицемерия. Из дня в день, из года в год я строил различные планы страшной мести.

Помимо обучения юридическому делу и выполнения прочих обязанностей в течение этих десяти лет я узнал обо всём, что связано с убийствами. Преступления на почве страсти вызывали у меня роковой интерес, и я без устали читал записи, посвящённые именно таким делам. Я изучал оружие и яды; читая об этом, я представлял себе смерть Хэлпина во всех возможных формах, какие только можно себе представить. Я воображал, как совершаю убийство в любой час дня или ночи, в самых разных местах. Единственным недостатком этих мечтаний была моя неспособность придумать такое место преступления, где можно было бы совершенно безопасно исполнить свой замысел, не опасаясь, что его когда-либо обнаружат.

Благодаря моей склонности к научным рассуждениям и экспериментам, я наконец отыскал подсказку, которая могла помочь мне в моих изысканиях. Я давно знаком с теорией о том, что другие миры или измерения могут сосуществовать в одном и том же пространстве с нашим, благодаря иной молекулярной структуре и частоте вибраций, что делает их неосязаемыми для нас. Однажды, когда я сидел погружённый в свои кровавые фантазии, в тысячный раз представляя себе, как сжимаю голыми руками горло Хэлпина, мне пришла в голову мысль: если бы я мог проникнуть в какое-то невидимое измерение, то оно наверняка оказалось бы идеальным местом для совершения убийства. Не будет никаких косвенных доказательств, не будет и самого покойника — иными словами мы получим полное отсутствие того, что именуется составом преступления. Конечно, пока ещё никто

не придумал, как перейти в другое измерение. Но я чувствовал, что эта проблема не из тех, которые могут долго оставаться неразрешимыми. Я немедленно поставил перед собой задачу исследовать все трудности, которые мне предстояло преодолеть и принялся перебирать в уме пути и средства для возможности выполнения такого перехода.

Есть причины, по которым я не хочу излагать в этом повествовании подробные сведения о различных экспериментах, которые я проводил в течение последующих трёх лет. Теория, лежащая в основе моих тестов и исследований, была крайне простой, но она базировалась на очень сложных процессах. Кратко говоря, я отталкивался от идеи, что частота вибрации, соответствующая объектам четвёртого измерения, могла быть искусственно установлена с помощью какого-нибудь устройства, и что вещи или лица, подверженные влиянию этих вибраций, могут быть таким образом перенесены в другую реальность.

Долгое время все мои эксперименты были обречены на провал, потому что я пробирался наощупь среди таинственных сил и непостижимых законов, причинно-следственные связи которых были мне едва понятны. Я даже не буду намекать на основной принцип работы устройства, благодаря которому я смог исполнить задуманное, ибо я не хочу, чтобы другие люди последовали за мной в иной мир и оказались в таком же мрачном и затруднительном положении. Скажу, тем не менее, что желаемые вибрации материи достигались концентрацией ультрафиолетовых лучей в рефракционном аппарате, изготовленном из неких весьма чувствительных материалов, которых я не буду называть.

Полученная энергия хранилась в особой батарее и могла излучаться из вибрирующего диска, подвешенного над обычным офисным креслом. Всё, что находилось под диском, подвергалось воздействию этих открытых мною лучей. Мощность излучения могла тщательно регулироваться с помощью изолированного пульта управления. Пользуясь этим аппаратом, я, наконец, преуспел в перемещении различных предметов в четвёртое измерение. Обеденная тарелка, бюст

Данте, Библия, французский роман и домашний кот — все они стали невидимы и неосязаемы за те несколько мгновений, пока на них была направлена ультрафиолетовая энергия. Я знал, что отныне они функционируют как атомические объекты в мире, где все вещи имеют ту же частоту, которая была искусственно индуцирована при помощи моего аппарата.

Конечно, перед тем, как самому осмелиться войти в невидимую область, нужно было придумать способ возвращения. Я сконструировал вторую батарею и ещё один вибрационный диск, с помощью которых, используя соответствующие инфракрасные лучи, можно было настроиться на вибрации нашего родного мира. Направляя луч на то же место, где исчезли обеденная тарелка и другие вещи, мне удалось вернуть их все. Ни одна вещь не изменилась; и хотя прошло несколько месяцев, кот никоим образом не пострадал от своего тюремного заключения в четвёртом измерении. Инфракрасное устройство было портативным, и я намеревался взять его с собой, когда отправлюсь в новую реальность в компании с Эдгаром Хэлпином. Я, но не Хэлпин, вернусь назад, чтобы продолжать жить в нашем привычном мире.

Все мои эксперименты проводились в абсолютной секретности. Чтобы скрыть настоящий характер своих экспериментов и обеспечить себе необходимое уединение, я построил небольшую лабораторию в лесу, на территории заброшенного ранчо, которое было в моей собственности и располагалось на полпути между Оберном и Боуманом. Без всякой периодичности я уединялся в лаборатории всякий раз, когда у меня выдавалось свободное время, якобы для того, чтобы провести ряд химических опытов в познавательных целях, далёких от чего-то необычного. Я никого не приглашал в лабораторию; да и никто из моих друзей и знакомых особо не интересовался моими экспериментами. Никогда и никому я не сказал ни слова, которое могло бы указать на истинную цель моих исследований.

Я никогда не забуду того ощущения радости и ликования, когда инфракрасное устройство доказало свою работоспособность, восстановив из небытия тарелку, бюст,

две книги и кота. Я так торопился привести в исполнение свою давнюю месть, что даже не видел необходимости провести предварительную одиночную разведку в четвёртое измерение. Я решил, что Эдгар Хэлпин должен пойти туда первым. Однако я понимал, что будет неразумно рассказывать ему что-нибудь о реальной природе моего устройства или о предполагаемой экскурсии.

Хэлпин в те дни страдал от повторяющихся приступов ужасной невралгии. Однажды, когда он жаловался сильнее, чем обычно, я сказал ему по секрету, что работаю над вибрационным устройством для облегчения подобных недугов и, наконец, довёл его до совершенства.

— Сегодня вечером я отвезу тебя в лабораторию, и ты сможешь оценить его работу, — сказал я. — Оно мгновенно излечит тебя. Всё, что тебе нужно делать, — сидеть в кресле и позволить мне включить ток. Но никому ничего не говори.

— Спасибо, старина, — ответил он. — Я буду крайне признателен, если ты сделаешь что-нибудь, чтобы остановить эту чёртову боль. Такое ощущение, что мою голову постоянно сверлит электродрейль.

Я выбрал нужное время, когда всё способствовало сохранению необходимой секретности. Хэлпин жил на окраине города; и он как раз остался в доме один. Его экономка ненадолго уехала к своему больному родственнику. Ночь была тёмной и туманной; я поехал к дому Хэлпина и прибыл на место вскоре после обеда, когда на улице бывает мало народа. Не думаю, что кто-нибудь видел, как мы покинули город. Большую часть нашей поездки в лабораторию я проехал по ухабистой, и мало используемой дороге, заявив, что в таком густом тумане мне не хочется встречаться с другими автомобилями, раз уж есть возможность избежать этого. Мы никого не встретили по дороге, и я счёл это хорошим предзнаменованием, глядя, как удачно складываются все обстоятельства для исполнения моего замысла.

Хэлпин издал удивлённое восклицание, когда я включил свет в своей лаборатории.